

Ветер и облака!

Так называемый цвет пищи также хорош, теплое мышление, еда перед цветом, полный перед теплом, можно увидеть, как глубокие китайские предки Huazong едят и понимают.

Когда люди чрезвычайно голодны, помимо того, что они пытаются заполнить свой желудок, все остальные проблемы не являются проблемой вообще.

"Шань Шань, выпей воды, обрати внимание на медленное жевание..."

Основная цель приема пищи - пополнение суточной энергии, необходимой человеческому организму. У Линъюня, который является вершиной девяти слоев практики, в теле множество аур, и есть постоянный источник инь и ян. Он вообще не испытывает недостатка в энергии. Между пятью днями воды и риса нет особой связи.

Можно сказать, что голод Линъюня - это просто привычный голод. Он ест только для того, чтобы наполнить свой желудок или набить его.

Поэтому в этот раз Линъюнь съел не так уж много, стол, полный изысканных блюд, почти весь попал в желудок Цао Шаньшаня.

Основная работа Линъюнь, помимо восхищения красотой Цао Шаньшань ***, это заставить Цао Шаньшань дать ей попробовать есть медленно, не передерживать.

"отрыжка....."

Это так, Цао Шаньшань все еще играл полный, она ела.

Застенчиво склонил голову и посмотрел на свой явно выросший живот. Цао Шаньшань была довольна и пронесла через противоположную сторону Линъюнь: "Мы обвиняем тебя!".

Лин Юнь развел руками: "Смотрите, ешьте? Вставай и двигайся по дому, как говорится, сделай сто шагов после еды, доживешь до девяноста девяти..."

"Это занятие..."

Теперь, Цао Шаньшань дешево была занята Линъюнь, она не боялась Линъюнь видел, прямо очаровательный Линъюнь Линъюнь, Цзяоцзя испортил и встал.

Линъюнь тоже встала и прошептала: "Ну, ты сначала погуляй, а я позову официанта, чтобы убрать со стола..."

Цао Шаньшань слушала с большим потрясением. Она побелела Линъюнь и сказала: "Плохие парни, люди носят их вот так. Ты все еще просишь других посмотреть?"

"О, моя вина..."

Линъюнь взглянул на холодную и несравненную Цао Шаньшань, просто признал ошибку и тут же отбросил идею убрать со стола.

Цао Шаньшань выглядит вот так, естественно, только Линъюнь оценил.

Если кто-то осмелится взглянуть, Линъюнь обещает немедленно выковырять у него глазные

яблоки в виде шариков.

"Эта комната не так уж мала, по крайней мере, три тысячи восемь ночью..."

Цао Шаньшань обнажила лодыжку. Ступив на мягкий ковер в комнате, я прошагал два круга. Наконец подошла к окну.

Она стояла на том месте, где стоял Линъюнь, и ее глаза смотрели в сторону далекого юга.

Тон Цао Шаньшань слабый: "Наши классные руководители в порядке?"

"Все хорошо!"

"Чжан Линь, она в порядке? Я не знаю, как она проверяла..."

"Она в порядке, я знаю результаты ее вступительных экзаменов в колледж, она прислала мне сообщение, более сорока баллов!"

Сердце Цао Шаньшань затрепетало. Она хотела спросить у Лин Юня и Чжан Лина, как они сейчас, но в конце концов удержалась.

Пережили удивление и огорчение, пережили растерянность и смущение. После стыда и волнения, после того как Цао Шаньшань насытилась, настроение, наконец, полностью успокоилось.

Она уже может очень хорошо контролировать свои эмоции, и ее настроение развивается в том направлении, которое направляет и на которое надеется Линъюнь.

Несомненно, такое настроение подходит для культивации.

После того, как Линъюнь сместил Танг Мэна, казалось, что непреднамеренное, казалось бы, зло заставило Цао Шаньшань сделать так много. Может позволить Цао Шаньшаню действительно успокоиться.

"Лин Юнь, здесь нет других людей. Скажи мне, ты действительно уверен, что сможешь изменить мою семью обратно в нормальных людей?"

"Как? Не веришь в мои способности?" закричал Лин Юнь, каламбуя.

Лицо Цао Шаньшань покраснело, но она не повернулась. Спустя долгое время я снова спросил: "Итак, когда ты обучаешь людей боевым искусствам?"

Цао Шаньшань не хотела быть слишком далеко от Линъюня, но также беспокоилась о своей семье. Ей очень срочно нужно научиться боевым искусствам.

"Через полмесяца подожди, пока ты немного оправишься..."

Цао Шаньшань был очень озадачен: "Но мне не причинили никакого вреда. Может, я немного похудела?"

Линъюнь улыбнулся и сказал: "Цао Шаньшань, моя практика отличается от упражнений тех людей, которых ты знаешь. Моя практика - самая важная, а твое настроение сейчас нестабильно..."

"Ты не должен беспокоиться, будь уверен, дождись, когда твое настроение действительно успокоится, я могу гарантировать, что ты сможешь превзойти своего брата Цао Тяньлуна в одно мгновение, даже больше, чем твой отец!"

Цао Шаньшань была тщательно вымыта Лин Юнем, а ее тело было запечатано несколькими духами фей. Двойной ремонт Лин Юня был полон абсолютной уверенности и ожидания.

Он уверен, что после двойного ремонта Цао Шаньшань сможет, по крайней мере, прорваться через врожденные три слоя. Что касается того, сможет ли он напрямую прорваться через врожденные четыре слоя и войти в врожденную середину, то это зависит от Бога.

"Так быстро?!" Цао Шаньшань был поражен, а некоторые не могли в это поверить.

Линъюнь улыбнулся и сказал: "Да, это так быстро!" Он намеренно продал таможеню и не сказал напрямую о двойном ремонте.

"Есть еще вопрос, который люди могут задать тебе..." Цао Шаньшань долго думал, и наконец решил выйти и спросить со стыдом.

Фигура Линъюня мелькнула прямо перед спиной Цао Шаньшаня. Он обхватил руками талию Цао Шаньшань, а нижнюю челюсть прижал к ее плечу. Он мягко сказал: "Спрашивай".

"Когда мы были в Симидзу, мы уже... уже, как ты сегодня так честен?"

"Ты... ты все еще не практикуешь себя, не так ли, мальчик?"

В конце дня Цао Шаньшань почти зарыла голову между грудей, а голос был низким, как у комара.

В сердце Линъюня потемнело, и он тоже понизил голос. Он прильнул ртом к уху Цао Шаньшань и тихо сказал: "Дурак, рано или поздно ты станешь моим человеком, о чем ты беспокоишься?".

Застенчиво лукавя, губы двух мужчин снова коснулись друг друга.

.....

Цао Шаньшань был охвачен очень странным волнением.

Она была очень уставшей и измотанной, но поскольку она была взволнована Линъюнем, ей не хотелось спать.

Цао Шаньшань сейчас больше всего нужен отдых, так что ничего не выйдет!

Линъюню ничего не оставалось, как принять меры и приказать Цао Шаньшань упасть в обморок.

Он осторожно положил сонную Цао Шаньшань на кровать, укрыл ее одеялом, а сам улетел обратно на диван.

Долго сидел в одиночестве, тихо размышляя, и вдруг заметил, что телефон на журнальном столике замигал.

Это Тан Мэн Канхуан вышел из дома, забыл взять свой мобильный, телефон отключен, и я не

знаю, сколько пропущенных звонков.

Линъюнь не хотел брать его, но увидел, что телефон постоянно мигает, поэтому просто взял его.

Голос, раздавшийся из телефона, оказался голосом Танг Маомао: "Юнь, что с тобой случилось? Он плоский?"

Линъюнь потерял дар речи. Он нахмурился и спросил: "Где сейчас твой ребенок? Чей мобильный телефон используется, чтобы позвонить мне?"

Конечно же, Танг Мэн использовал мобильный телефон младшего брата Цинлуна.

"Шань Шань спит, твой ребенок подходит ко мне!"

"О! Две минуты!"

Положив трубку, Танг Мэн даже не приехал через две минуты, он появился в дверях президентского номера.

Линъюнь увидел, что Танг Мэн прибыл. Он подлетел прямо к двери и захлопнул ее. Он сказал Танг Менгу: "Пойдем в лифт".

Двое подошли к лифту, в это время было уже больше двух часов ночи, ночь тихая, вокруг ни одной фигуры.

"Эй, Юнь Гэ, как дела, ты добрался?" спросил Танг Мэн.

Линъюнь ничего не сказал, поднял руку и дал Танг Мэну жестокий: "Еще и спрашиваешь?! Я спросил, о чем твой ребенок думает весь день? Я только что спас Цао Шаньшань, ты не видел, какая она сейчас худая. ?"

Сказав это, Лин Юнь вдруг подозрительно посмотрел на Танг Мэна. Он сказал: "Я спросил, должен ли твой ребенок найти себе девушку? Я вижу, что твои гормоны слишком сильны..."

Танг Мэн не мог думать о повороте Линъюня, и он внезапно прослезился!

Юнь Гэ наконец-то подумал, что он тоже мужчина, и он тоже лидер. Он также молодой и процветающий Хуа Чжэнмао, которому тоже нужны женщины и любовь!

Добровольно отказавшись от Нин Линъюй, Танг Мэн испытал кратковременную душевную травму. Его быстро захлестнули пустяковые дела, связанные с возвышением Лин Юня. Что касается женщин, он все еще не мог заботиться об этом.

Однако всем уже по 18 лет, Танг Мэн высокий и могучий, он теперь гордится весной и, конечно же, тоскует по женщинам.

Теперь Линъюнь нечаянно поднял этот вопрос. Можно ли сдвинуть Танг Мэна с места?

Однако у Танг Мэна свои планы, он не торопится.

"Эй, Юнь Гэ, это мелочь, мелочь..."

В этом году есть деньги и власть, и совершенно нет недостатка в женщинах.

Двое перекинулись парой слов, и вскоре заговорили о делах, не Линъюнь спросил, Танг Мэн посмотрел с ухмылкой, шепнул Линъюню: "Облачный брат, завтра не только твой классный руководитель, фея, конденсат, Лин Цзе, Танец Дракона, Чжан Лин и ее младшая сестра... Они, они придут!".

"Что?!" Линъюнь был ошеломлен!

Придут? ! Этот Линъюнь все еще занят тремя головами и шестью руками!

Однако, ~www.wuxiax.com~ Линъюнь тут же подумал о более серьезной проблеме: "Это... я немного хитрый и духовный дождь, они придут?".

Танг хлопнул себя по лбу и нахмурился. "Я не знаю об этом. Сегодня вечером, только они мне не звонили..."

Это заставило Линъюня почувствовать некоторое облегчение. Он погладил свой лоб и подавленно произнес: "Раз уж они приехали, что скажешь?".

Линъюнь не отвечал на звонки и не отвечал на текстовые сообщения. Главная причина в том, что эти женщины боятся приезжать в столицу. Ему достаточно одного Цаушаньшаня для защиты. Если они все приедут, то он ничего не будет делать.

Танг Мэн развел руками, беспомощно сказал: "Юнь Гэ, ты можешь сказать: Сяньэр, Нинэр, Линь Цзе, Танец Дракона... Эти, на кого из них я могу обидеться?".

В поисках месячного билета! !

(Продолжение следует.)

Это из

Сеть чтения

<http://tl.rulate.ru/book/7419/2194959>